

Роберт Льюис Стивенсон

СТРАННАЯ ИСТОРИЯ ДОКТОРА ДЖЕКИЛА И МИСТЕРА ХАЙДА

КЛАССИКА

МИО

МИФ Проза

Роберт Льюис Стивенсон

**Странная история доктора
Джекила и мистера Хайда**

«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»

УДК 821.111-312.2
ББК 84(4Вел)5-445

Стивенсон Р.

Странная история доктора Джекила и мистера Хайда /
Р. Стивенсон — «Манн, Иванов и Фербер (МИФ)», — (МИФ
Проза)

ISBN 978-5-00-250430-5

Лондон, конец XIX века. Нотариус Габриэль Джон Аттерсон узнаёт историю о вопиющей жестокости. Ее «герой», некий мистер Хайд – воплощение зла, но отчего-то пользуется покровительством всеми уважаемого доктора Джекила и даже распоряжается ключами от его дома... А еще, согласно завещанию Джекила, этот «омерзительный троглодит» Хайд – его единственный наследник в случае исчезновения доктора. Но почему бы тому вдруг исчезать? И отчего доктор напуган и странно себя ведет? Все это кажется безумием – но есть опасение, что здесь кроется позорная тайна... Знаменитая готическая повесть Роберта Льюиса Стивенсона о двойственной человеческой природе – в стильном Young Adult оформлении. В книгу также вошли рассказы «Веселые Молодцы» и «Олалла». Для кого эта книга Для читателей всех возрастов. Для поклонников классической литературы. Для ценителей готики и романтизма.

УДК 821.111-312.2

ББК 84(4Вел)5-445

ISBN 978-5-00-250430-5

© Стивенсон Р.

© Манн, Иванов и Фербер (МИФ)

Содержание

Веселые молодцы	6
Глава I. Эйлин Арос	6
Глава II. Что принес Аросу разбитый корабль	10
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Роберт Льюис Стивенсон Странная история доктора Джекила и мистера Хайда

Original title:

STRANGE CASE OF DR JEKYLL AND MR HYDE

Robert Louis Stevenson

Книга не пропагандирует употребление алкоголя. Употребление алкоголя вредит вашему здоровью.

Все права защищены.

Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Печатается по изданию: Стивенсон Р. Л. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2. М.: Правда, 1967. 576 с.

© Перевод. Гурова И. Г., наследники, 2025

© Перевод. Литвинова М. Д., наследники, 2025

© Оформление. ООО «МИФ», 2025

Веселые молодцы

Глава I. Эйлин Арос

Было прекрасное утро на исходе июля, когда я последний раз отправился пешком в Арос. Накануне вечером я сошел с корабля в Гризеполе. Багаж я оставил в маленькой гостинице, намереваясь как-нибудь приехать за ним на лодке, и после скромного завтрака весело зашагал через полуостров.

Я не был уроженцем этих мест. Все мои предки жили в равнинной Шотландии. Но мой дядя Гордон Дарнеуэй после тяжелой, омраченной нуждой юности и нескольких лет, проведенных в море, нашел себе на островах молодую жену. Ее звали Мери Маклин, она была круглой сиротой, и, когда она умерла, дав жизнь дочери, дядя оказался единственным владельцем Ароса – опоясанной морем фермы. Она приносила ему лишь скудное пропитание, но мой дядя всю жизнь был неудачником и, оставшись с малюткой дочерью на руках, побоялся вновь отправиться на поиски счастья, а так и продолжал жить на Аросе, бессильно проклиная судьбу. Год проходил за годом, не принося ему в его уединении ни довольства, ни душевного покоя. Тем временем поумирали почти все наши родичи на равнинах – нашу семью вообще преследовали неудачи, и, пожалуй, счастье улыбнулось лишь моему отцу, ибо он не только умер последним, но и оставил родовое имя сыну вместе с небольшим состоянием, которое могло поддержать достоинство этого имени. Я учился в Эдинбургском университете, и мне жилось неплохо, но я был очень одинок, пока дядя Гордон не прослышал обо мне у себя на гризепольском Россе и, твердо придерживаясь правила, что кровь не вода, тут же не написал мне, прося считать Арос моим родным домом. Вот почему я начал проводить каникулы в этой глуши, вдали от людей и удобств городской жизни, в обществе трески и болотных курочек; и вот почему теперь, по окончании занятий, я в это июльское утро так весело возвращался туда.

Росс, как мы его называли, – это полуостров, не очень широкий и не очень высокий, но столь же дикий ныне, как и в первый день творения. С двух сторон его окружает глубокое море, усеянное скалистыми островками и рифами, весьма опасными для кораблей; на востоке же над ним господствуют высокие утесы и крутой пик Бен-Кайо. Говорят, что Бен-Кайо по-гэльски значит «гора туманов», и если это так, то название выбрано очень удачно. Ибо пик, имеющий в высоту более трех тысяч футов, притягивает с моря все облака, и подчас мне даже казалось, что он их сам порождает, ибо и в ясные дни, когда чистое небо простиралось до самого горизонта, Бен-Кайо все равно бывал окутан тучами. Однако это обилие влаги, на мой взгляд, делало гору только красивее: когда солнце озаряло ее склоны, ручьи и мокрые скалы блестели, как драгоценные камни, и сверкание их было видно даже на Аросе, в пятидесяти милях оттуда.

Я шел по овечьей тропке. Она была такой извилистой, что путь мой почти удваивался. Порой она вела по огромным валунам, и мне приходилось прыгать с одного камня на другой, а порой ныряла в сырые ложбины, где мох почти достигал моих колен. Нигде на всем протяжении десяти миль между Гризеполом и Аросом не было видно ни обработанных полей, ни человеческого жилья. На самом деле дома здесь были – целых три, но они отстояли так далеко от тропы, что человек, чужой в этих местах, никогда бы их не обнаружил. Почти весь Росс покрыт большими гранитными скалами, иные из которых по величине превосходят двухкомнатную хижину, а в узких расселинах между ними, среди высоких папоротников и вереска, плодятся гадюки. Откуда бы ни дул ветер, он всегда нес с собой запах моря, столь же соленый, как на кораблях, чайки были столь же законными обитательницами Росса, как болотные курочки, и стоило взобраться на валун, как взгляд поражала яркая синева моря. Весной в ветреные дни мне даже в самом центре полуострова доводилось слышать грозный рев аросского Гребня и громовые, наводящие ужас голоса валов, которые мы прозвали Веселыми Молодцами.

Сам Арос (местные жители называют его Арос-Джей, и, по их утверждению, это означает «Дом Божий»), строго говоря, не относится к Россу, хотя он и не остров в собственном смысле слова. Это клочок суши на юго-западе полуострова, примыкающий к нему почти вплотную и отделенный от него лишь узеньким морским рукавом, не достигающим в самом узком месте и сорока футов ширины. При полном приливе вода в проливчике бывает прозрачной и неподвижной, точно в заводи большой реки, только водоросли и рыбы тут другие, да вода кажется зеленой, а не коричневой. Раза два в месяц при полном отливе с Ароса на полуостров можно перейти посуху. На Аросе было несколько лужков с хорошей травой, где паслись овцы моего дяди. Возможно, трава на островке была лучше потому, что он поднимается над морем немного выше, чем полуостров; впрочем, я слишком плохо разбираюсь в подобных вопросах, чтобы сказать, так ли это. Двухэтажный дом дяди в этих краях считался очень хорошим. Фасадом он был обращен на запад, к бухточке с небольшой пристанью, и с порога мы могли наблюдать, как клубится туман на Бен-Кайо.

По всему побережью Росса, и особенно вблизи Ароса, те огромные гранитные скалы, о которых я уже упоминал, группами спускаются в море, точно скот в летний день. Они торчат там совсем так же, как их соседки на суше, только вместо безмолвной земли между ними всхлипывает соленая вода, вместо вереска на них розовеет морская гвоздика, и у их подножия извиваются не ядовитые сухопутные гадюки, а морские угри. В дни, когда море спокойно, можно долгие часы плавать в лодке по этому лабиринту, где вам сопутствует гулкое эхо, но в бурю... Господь спаси и помилуй человека, который слышит кипение этого котла.

У юго-западной оконечности Ароса этих скал особенно много, и тут они особенно велики. И чем дальше, тем, должно быть, чудовищнее становится их величина, ибо они простираются в море миль на десять и стоят так же часто, как дома на деревенской улице, некоторые – вздымаясь над волнами на тридцать футов, другие – прячась под водой, но те и другие равно губительные для кораблей. Как-то в погожий день, когда дул западный ветер, я с вершины Ароса насчитал целых сорок шесть подводных рифов, на которых белой пеной дробились тяжелые валы. Однако самая грозная опасность подстерегает корабль у берега, так как прилив здесь, стремительно мчась, точно по мельничному водостоку, образует у оконечности суши длинную полосу сшибающихся волн – Гребень, как мы ее называем. Я часто приходил туда во время полного штиля при отливе, и было очень странно наблюдать, как волны закручиваются в водоворотах, вздуваются и клокочут, точно в водопаде, а порой раздается бормотание и ропот, словно Гребень разговаривает сам с собой. Но когда начинается прилив да еще в бурную погоду, в мире не нашлось бы человека, который сумел бы благополучно провести лодку ближе, чем в полумиле от этого места, и ни один корабль не мог бы уцелеть тут. Рев волн разносится вокруг не меньше, чем на шесть миль. Ближе к открытому морю вода особенно

буйствует, и именно там пляшут пляску смерти огромные валы, которые в этих краях были прозваны Веселыми Молодцами. Я слышал, что они достигают в высоту пятидесяти футов, но, конечно, в виду имелась только зеленая вода, так как пена и брызги взлетают вверх и на сто футов. Получили ли они это имя за свои движения, быстрые и прихотливые, или за шум, который они поднимают, сотрясая весь Арос, когда прилив достигает высшей точки, я сказать не могу.

При юго-западном ветре эта часть нашего архипелага превращается в настоящую ловушку. Если бы даже кораблю удалось благополучно миновать рифы и выдержать натиск Веселых Молодцов, его все равно выбросило бы на берег на южной оконечности Ароса в Песчаной бухте, где столько несчастий обрушилось на нашу семью, о чем я теперь и намерен рассказать. Воспоминание обо всех этих опасностях, таящихся в местах, так давно мне знакомых, заставляет меня особенно радоваться работам, которые теперь ведутся там, чтобы построить маяки на мысах и отметить буями фарватеры у берегов наших закованных в скалы, негостеприимных островов.

Местные жители рассказывают немало историй про Арос, и я в досталь наслушался их от Рори, старого слуги моего дяди, который издавна служил Маклинам и навсегда остался в доме своих прежних хозяев. Существовала, например, легенда о неприкаянном морском духе, который обитал в кипящих волнах Гребня, занимаясь там злыми делами. Как-то в Песчаной бухте русалка подстерегла одного волынщика и всю долгую ясную летнюю ночь напролет пела ему, так что наутро он лишился рассудка и с той поры до дня своей смерти повторял только одну фразу. Как она звучала по-гэльски, я не знаю, но переводили ее так: «Ах, чудесное пение, доносящееся из моря!» Были известны случаи, когда тюлени, облюбовавшие эти берега, заговаривали с людьми на человеческом языке и предсказывали великие несчастья. Именно здесь ступил на землю некий святой, когда отправился из Ирландии обращать в христианство жителей Гебридских островов. И право, на мой взгляд, он заслуживает названия святого, ибо пройти на утлом суденышке тех далеких времен по такому бурному морю и благополучно высадиться на столь коварном берегу, безусловно, значило сотворить чудо. Ему, а может быть, кому-нибудь из монахов, его учеников, построившему здесь келью, Арос и обязан своим святым и прекрасным названием – Дом Божий.

Однако среди всех этих сказок была одна, которая казалась мне правдоподобнее других. Рассказывали, что буря, разметавшая корабли Непобедимой Армады¹ у северо-западных берегов Шотландии, выбросила один большой галеон на камни Ароса, и он на глазах кучки зрителей на вершине холма через мгновение затонул со всей командой, не спустив флага. Эта легенда могла таить в себе долю истины, потому что другой корабль Армады затонул у северного берега, в двадцати милях от Гризепола. Мне казалось, что эта история рассказывается намного серьезнее и с гораздо большими подробностями, чем остальные предания, а одна деталь и вовсе убедила меня в ее правдивости: легенда сохранила название корабля, и, на мой взгляд, оно, несомненно, было испанским. Он назывался «Эспирито Санто» – огромный корабль со многими пушечными палубами, нагруженный сокровищами, цветом испанской знати и свирепыми «солдадос», который теперь, покончив с войнами и плаваниями, навеки упокоился на дне Песчаной бухты у западной оконечности Ароса. Никогда больше не загремят пушки этого могучего корабля «Дух Святой», и попутный ветер не понесет его в дальние страны, навстречу удаче. Ему остается только тихо гнить среди чащи водорослей и слушать вопли Веселых Молодцов, когда подымается прилив. С самого начала эта мысль казалась мне удивительной, и она становилась все удивительнее по мере того, как я ближе знакомился с Испанией, откуда этот корабль отплыл в обществе стольких горделивых товарищей, и с королем Филиппом, богатым королем, отправившим его в это плавание.

¹ Так называли военный флот, собранный Испанией во время англо-испанской войны (1585–1604). *Здесь и далее прим. ред.*

А теперь я должен сказать вам, что в этот день, когда я шел из Гризепола к Аросу, мои мысли были заняты как раз «Эспирито Санто». Тогдашний ректор Эдинбургского университета, прославленный писатель доктор Робертсон, был обо мне хорошего мнения, и по его поручению я занялся разбором старинных документов, чтобы отделить истинно ценные от неинтересных и ненужных. И вот, к моему большому удивлению, я нашел среди них заметку об этом самом корабле «Эспирито Санто» – в ней указывалось имя капитана, сообщалось, что корабль этот вез значительную часть испанской казны и погиб у Росса под Гризеполом, но где именно, осталось неизвестным, так как полудикие племена, обитавшие там в те времена, не пожелали ничего сообщить королевским чиновникам. Сопоставив между собой все эти сведения – местное предание и результаты расследования, произведенного по приказу короля Якова, – я проникся твердым убеждением, что местом, которое он тщетно разыскивал, могла быть только маленькая Песчаная бухта на островке моего дяди; и, будучи человеком практической складки, интересующимся механикой, я с тех пор все время прикидывал, каким способом можно было бы поднять этот галеон со всеми его золотыми слитками и дублонами, чтобы вернуть нашему роду Дарнеуэй его давно забытое достоинство и богатства.

Однако мне вскоре пришлось с раскаянием отказаться от своих планов. Мои мысли внезапно обратились к совсем иным предметам, и с тех пор, как я стал свидетелем странной Божьей кары, мысль о сокровищах мертвецов стала мне противна. Но даже и в то время двигали мною не жадность и не корыстолюбие, ибо если я и мечтал о богатстве, то не ради себя, а ради той, которая была бесконечно дорога моему сердцу, – ради Мери-Урсулы, дочери моего дяди. Она получила хорошее воспитание и училась в пансионе, хотя бедняжке жилось бы легче, если бы она прозябала в невежестве. Арос был неподходящим для нее местом; она видела там только старика Рори и своего отца, одного из самых несчастных людей в Шотландии, который вырос в обнищавшем поместье, среди суровых приверженцев Камерона², долгое время плывал между Клайдом и островами, а теперь без всякой охоты занимался овцеводством и ловил рыбу, чтобы прокормить себя и дочь. Если даже я, проводя на Аросе месяц-два, начинал иногда скучать, то представьте, как тяжело приходилось Мери, которая была вынуждена жить в этой глуши круглый год, видеть только овец да чаек и слушать, как поют и пляшут Веселые Молодцы.

² Ричард *Камерон* (1648–1680) – лидер радикальной фракции движения ковенанторов, выступавших в защиту пресвитерианской церкви и за ограничения королевской власти в Шотландии.

Глава II. Что принес Аросу разбитый корабль

Когда я вышел к морю напротив Ароса, уже начался прилив, и мне оставалось только свистом вызвать Рори с лодкой, а самому ждать на дальнем берегу. Повторять сигнал не было нужды. Едва я свистнул, как в дверях появилась Мери и помахала мне платком, а старый длинноногий слуга, ковыляя по песку, поспешно спустился к пристани. Как он ни торопился, бухту он пересек не так уж скоро: несколько раз он клал весла, нагибался над кормой и внимательно вглядывался в воду. Когда Рори приблизился к берегу, мне показалось, что он сильно состарился, исхудал и как-то странно избегает моего взгляда. Ялик подновили – на нем появились две новые скамейки и несколько заплат из редкостного заморского дерева, названия которого я не знаю.

– Послушай-ка, Рори, – сказал я, когда мы отправились в обратный путь, – какое хорошее дерево! Откуда оно у вас?

– Не больно-то оно поддается рубанку, – с неохотой пробормотал Рори. Бросив весла, он наклонился над кормой точно так же, как когда он плыл за мной, и, опираясь на мое плечо, стал с выражением ужаса вглядываться в волны.

– Что случилось? – спросил я, растерявшись.

– Опять эта рыбаца, – ответил старик, берясь за весла.

Больше мне ничего не удалось от него добиться – на все мои вопросы он только таинственно на меня поглядывал и зловеще качал головой. Поддавшись необъяснимой тревоге, я также стал всматриваться в воду за кормой. Она была прозрачной и зеркальной, но тут, на середине бухты, очень глубокой. Некоторое время я ничего не видел, но потом мне почудилось, будто что-то темное, может быть, большая рыба, а может быть, просто тень, настойчиво следует за яликом. И тут я вспомнил один из суеверных рассказов Рори о том, как в Морвене на переправе, во время какой-то кровавой усобицы между кланами, невиданная прежде рыба несколько лет провожала паром, так что в конце концов никто уже не осмеливался переправляться на другую сторону.

– Она поджидает... знает кого, – сказал Рори.

Мери встретила меня у самой воды, и мы поднялись с ней вверх по склону к аросскому дому. И снаружи и внутри я заметил много перемен. Сад был обнесен оградой из того же дерева, какое пошло на починку лодки; на кухне стояли кресла, обтянутые чужеземной парчой, на окне висели парчовые занавески, на комодe красовались часы, но они не шли; с потолка свисала медная лампа; накрытый к обеду стол щеголял тонкой скатертью и серебряной посудой. Все эти новые богатства были выставлены напоказ в убогой, так хорошо мне знакомой, старой кухне, где все еще стояли скамья с высокой спинкой и табуреты, а в нише – кровать Рори; где солнце светило сквозь широкую трубу на тлеющий в очаге торф; где на полке над очагом лежали трубки, а на полу стояли треугольные плевательницы, наполненные вместо песка ракушками; где каменные стены ничем не были украшены, а на простом деревянном полу лежали три половичка, прежде единственное украшение кухни, – три ковра бедняка, невиданные в городах, сплетенные из холстины, черного сукна воскресных сюртуков и грубой дерюги, залоснившейся оттого, что она долго терлась о лодочные скамьи. Эта кухня, как и весь дом, славилась в этих краях – такой она была чистенькой и уютной, и теперь, увидев эти нелепые, недостойные ее добавления, я возмутился и даже почувствовал гнев. Если вспомнить, зачем

я сам в этот раз приехал в Арос, то подобное чувство следовало бы назвать неоправданным и несправедливым. Но в первую минуту оно опалило мое сердце огнем.

– Мери, – сказал я, – я привык звать это место моим родным домом, а теперь я его не узнаю.

– А для меня это место всегда было родным домом, – ответила она, – домом, где я родилась и где я хотела бы умереть. И мне тоже не по душе эти вещи, не по душе, как они попали к нам, и все то, что они принесли с собой. Лучше бы им сгинуть в море, чтобы теперь над ними плясали Веселые Молодцы.

Мери всегда была серьезной – это, пожалуй, была единственная черта, унаследованная ею от отца, – однако тон, которым она произнесла эти слова, был не только серьезным, но даже мрачным.

– Да, – сказал я, – я так и опасался, что вещи эти принесло кораблекрушение, то есть смерть. Правда, когда скончался мой отец, я вступил во владение его имуществом без угрызений совести.

– Твой отец умер чистой смертью, как говорится, – ответила Мери.

– Верно, – продолжал я, – а кораблекрушение подобно Божьей каре. Как называлось это судно?

– Оно звалось «Христос-Анна», – произнес голос позади меня, и, обернувшись, я увидел в дверях дядю.

Это был невысокий угрюмый человек с длинным лицом и очень темными глазами; в пятьдесят шесть лет он был еще крепок и подвижен и с виду походил не то на пастуха, не то на матроса. Ни разу в жизни я не слышал его смеха. Он постоянно читал Библию, много молился, как в обычае у камерониян, среди которых он рос; он вообще представляется мне во многом схожим с этими горцами-проповедниками кровавых времен, предшествовавших революции. Однако благочестие не принесло ему утешения и даже, как мне казалось, не служило ему опорой. У него бывали припадки черной тоски, когда он изнывал от страха перед адом, но в прошлом он вел не очень-то праведную жизнь, о которой все еще вспоминал со вздохом, и по-прежнему оставался грубым, суровым, мрачным человеком.

Пока он стоял на пороге, солнце освещало шотландский колпак на его голове и трубку, заткнутую в петлицу куртки, а когда он вошел в кухню, я заметил, что он, как и Рори, постарел и побледнел, что его лицо избороздили глубокие морщины, а белки глаз отливают желтизной, точно старые слоновьи клыки или кости мертвецов.

– «Христос-Анна», – повторил он, растягивая первое слово. – Кошунственное название.

Я поздоровался с ним и похвалил его цветущий вид, сказав при этом, что я опасался, не был ли он болен.

– Плоть моя здорова, – ответил он резко, – да, здорова и грешна, как и твоя. Обедать! – крикнул он Мери, а затем вновь повернулся ко мне. – Неплохие вещи, а? Часы-то какие! Только они не ходят, а скатерть самая что ни на есть льняная. Хорошие, дорогие вещи! Вот за такое-то добро люди нарушают заповеди Господни; за такое-то добро, а может, даже и похуже, люди восстают на Бога и его заветы и горят за это в аду; потому-то в Писании и называется оно проклятым. Эй, Мери, – вдруг раздраженно крикнул он, – почему ты не поставила на стол оба подсвечника?

– А к чему они нам среди бела дня? – спросила она.

Однако дядя ничего не желал слушать.

– Мы будем любоваться на них, пока можно, – сказал он.

И пара массивных подсвечников чеканного серебра была водружена на стол, убранство которого и так уже не подходило простой деревенской кухне.

– Их выбросило на берег десятого февраля, часов так в десять вечера, – начал рассказывать мне дядя. – Ветра не было, но волна шла крупная, ну, Гребень их и затянул, как я

полагаю. Мы с Рори еще днем видели, как они старались выйти к ветру. Не слишком-то он слушался руля, этот «Христос-Анна», все уваливался под ветер. Да, тяжеленько им пришлось. Матросы так и не слезали с реев, а холод стоял страшный – вот-вот снег пойдет. А ветер-то чуть подымется и тут же стихнет, только подразнит их надеждой. Да, тяжеленько, тяжеленько им пришлось. Уж тот, кто добрался бы до берега, мог бы возгордиться.

– И все погибли? – воскликнул я. – Да смилуется над ними Бог!

– Ш-ш, – сказал он строго, – я не позволю молиться за мертвецов у моего очага.

Я возразил, что в моем восклицании не было ничего папистского, а он принял мои извинения с несвойственной ему покладистостью и тут же заговорил о том, что, по-видимому, стало для него излюбленной темой:

– Мы с Рори отыскиали его в Песчаной бухте, а все это добро было внутри. В Песчаной бухте порой бывает толчея – то воду гонит к Веселым Молодцам, а то, когда идет прилив и слышно, как у дальнего конца Ароса ревет Гребень, обратное течение заворачивает в Песчаную бухту. Оно-то и подхватило этого «Христа-Анну» и понесло кормой вперед – нос лежит теперь куда ниже кормы, и все днище открылось. Ну и треск был, когда его ударило о камни! Господи, спаси нас и помилуй! Нелегко живет морякам, холодная у них, опасная жизнь. Я сам немало времени провел над пучиной морской. И зачем только Господь сотворил эту скверную воду! Он создал долины и луга, сочные зеленые пастбища, тучную красивую землю...

И ликуют они и поют,
Ибо радость Ты им даровал,

как говорится в стихотворном переложении псалмов. Не то чтобы от этого они стали благочестивее, но зато красивы, да и запоминать их легче. «Кто в море уходит на кораблях», – как в них еще говорится, —

И трудится над бездной вод,
Тому Господь свои труды
И чудеса узреть дает.

Ну, говорить-то легко. Давид, наверно, не слишком хорошо знал море, а я одно скажу: да не будь это напечатано в Библии, так я бы уж подумал, что не Господь, а сам проклятый черный дьявол сотворил море. От него не жди ничего хорошего, кроме рыбы. Ну, да Давид, небось, думал о том, как Господь несется на крыльях бури. Ничего не скажешь – хорошенькие чудеса дал Господь узреть «Христу-Анне». Да что там чудеса! Кара это была, кара во тьме ночной посередь чудищ морской пучины. А души их – ты только подумай! – души их, может, не были еще готовы! Море – проклятое преддверье ада!

Я заметил, что в голосе моего дяди слышалось неестественное волнение, и он подкреплял свою речь жестами, чего прежде никогда не делал. При этих последних словах, например, он наклонился, оперся о мое колено растопыренными пальцами и, побледнев, заглянул мне в лицо, и я увидел, что его глаза горят глубоким огнем, а у рта залегли дрожачие складки.

Вошел Рори, и мы приступили к обеду, но это лишь ненадолго отвлекло дядю от прежних мыслей. Правда он задал мне несколько вопросов о моих успехах в колледже, но я заметил, что думает он о другом, и, даже когда он произносил свою импровизированную благодарственную молитву (как всегда, длинную и бессвязную), я и в ней услышал отзвуки все той же темы, ибо он молился, чтобы Господь «был милосерден к бедным, безрассудным, сбившимся с пути грешникам, всеми покинутым здесь у великих и мрачных вод». Затем он повернулся к Рори.

– Была она там? – спросил дядя.

– Была, – сказал Рори.

Я заметил, что они оба говорили как бы между собой и с некоторым смущением, а Мери покраснела и опустила взгляд. Отчасти желая показать свою осведомленность и тем рассеять неловкость, а отчасти потому, что меня снедало любопытство, я вмешался в их разговор.

– Вы имели в виду рыбу? – спросил я.

– Какую еще рыбу! – вскричал мой дядя. – Он про рыбу говорит! Рыба! У тебя мозги зажирели. Только и думаешь, что о плотских желаниях. Это злой дух, а не рыба!

Он говорил с большой горячностью, словно рассердившись. Должно быть, мне не понравилось, что меня так резко оборвали, – молодежи свойственна строптивость. Во всяком случае, насколько помню, я возразил ему и с жаром стал обличать детские суеверия.

– А еще учишься в колледже! – язвительно произнес дядя Гордон. – Одному богу известно, чему они вас там учат. Что же, по-твоему, в этой соленой пустыне нет ничего – там, где растут морские травы и копошатся морские звери, куда солнце заглядывает изо дня в день? Нет, море похоже на сушу, только куда страшнее. И раз есть люди на берегу, значит, есть люди и в море – может, они и мертвецы, но все равно люди; а что до дьяволов, так нет ужаснее морских дьяволов. Если уж на то пошло, то от сухопутных дьяволов нет большого вреда. Давным-давно, когда я еще был мальчишкой и жил на юге, так в Пиви-Мосс водился старый лысый дух. Я своими глазами его видел – сидел он на корточках в трясине, а сам серый, что могильный камень. Жуткий такой, вроде жабы, только трогать он никого не трогал. Ну, конечно, шел бы мимо распутник, от которого Господь отвернулся, какой-нибудь там нераскаянный грешник, так эта тварь на него набросилась бы, – а вот в пучине морской водятся дьяволы, которые и доброго христианина не пощадят. Да, господа хорошие, коли бы вы утонули вместе с беднягами на «Христе-Анне», вы бы теперь на себе испробовали милосердие моря. Поплавай вы по нему с мое, так ненавидели бы его еще лютее, чем я. Да гляди вы глазами, которыми вас одарил Господь, так поняли бы всю злобу моря, коварного, холодного, безжалостного, – и всего, что водится в нем с господнего соизволения: крабы всякие, которые едят мертвецов, чудовища-киты и рыбы – весь их рыбий клан – с холодной кровью, слепые, жуткие твари. Знали бы вы, – вскричал он, – как оно ужасно, море!

Эта неожиданная вспышка потрясла нас всех, а дядя после последнего хриплого выкрика погрузился было в свои мрачные мысли. Однако Рори, любитель и знаток всяческих суеверий, вывел его из задумчивости, задав ему вопрос:

– Да неужто вы видели морского дьявола?

– Видел, только неясно, – ответил дядя. – А коли бы простой человек увидел его ясно, так, наверное, он и часа не прожил бы. Приходилось мне плавать с одним пареньком – звали его Сэнди Габарт, – так вот он дьявола увидел. Ну, и пришел ему тут же конец. Мы семнадцать дней как вышли из Клайда – и пришлось нам тяжеленько, а шли мы на север с зерном и всякими товарами для Маклеода. Ну, добрались мы почти до самых Катчалнов – как раз прошли Соэу и начали длинный галс³, думая, что так и дотянем до Копнахау. Я эту ночь никогда не забуду: луна была в тумане, дул хороший ветер, да не очень ровный. А еще – жутко же это было слушать – другой ветер завывал наверху, среди страшных каменных вершин Катчалнов. Ну, так Сэнди стоял у стаксея, и нам его не было видно с грот-мачты, где мы крепили парус. Вдруг он как закричит! Я потянул сезень⁴, точно с ума свихнулся, потому что мне почудилось, будто мы повернули на Соэу. Да только я ошибся – был это смертный крик бедняги Сэнди Габарта, ну, может, предсмертный, потому что умер он через полчаса. И успел еще сказать, что у самого бушприта⁵ вынырнул морской дьявол, или, может, морской дух, или еще какая-то морская нечисть, и этот дьявол посмотрел на него холодным жутким взглядом. И когда Сэнди помер,

³ То есть шли, долго не меняя курс относительно направления ветра.

⁴ Снасть, используемая для уменьшения площади паруса.

⁵ *Бушприт* – наклонный брус, выступающий вперед с носа корабля.

мы поняли, какой это знак и почему ветер выл на Катчалнах. Тут он и обрушился на нас – и не ветер это был, а гнев Божий. И всю эту ночь мы работали, как сумасшедшие, а когда опомнились, смотрим: мы уже в Лох-Ускева, и на Бенбекуле поют петухи.

– Это, небось, была русалка, – сказал Рори.

– Русалка?! – вскричал мой дядя с невыразимым презрением. – Бабы россказни! Никаких русалок нет!

– Ну, а на что он был похож? – спросил я.

– На что он был похож? Упаси бог, чтобы нам довелось это узнать! Была у него какая-то голова, а больше Сэнди ничего не мог сказать.

Тогда Рори, уязвленный до глубины души, поведал несколько историй про русалок, морских духов и морских коней, которые выходили на берег на островах или нападали на рыбацьи суда – в открытом море. Мой дядя, несмотря на свой скептицизм, слушал старика с боязливым любопытством.

– Ладно, ладно, – сказал он, – может, оно и так, может, я и ошибся, да только в Писании про русалок ни слова не сказано.

– И про аросский Гребень там тоже, небось, ни словечка не сказано, – возразил Рори, и его довод, по-видимому, показался дяде убедительным.

После обеда дядя повел меня на холм позади дома. День был безветренный и очень жаркий, зеркальную поверхность моря не морщила даже легкая рябь, и тишину нарушали только привычное блеяние овец да крики чаек. Не знаю, подействовала ли разлитая в природе благодать на моего родича, но, во всяком случае, он держался более разумно и спокойно, чем раньше. С интересом, почти даже с увлечением обсуждая мое будущее, он только время от времени возвращался к погибшему судну и к сокровищам, которые оно принесло Аросу. Я же слушал его в каком-то тихом оцепенении, жадно впивая глазами столь хорошо знакомый мне пейзаж, и с наслаждением вдыхал морской воздух и дымок от горящего торфа – это Мери развела огонь в очаге.

Миновал час, и мой дядя, который все это время исподтишка поглядывал на маленькую бухту, встал и позвал меня за собой. Тут следует упомянуть, что мощная приливная волна у юго-западной оконечности Ароса вызывает волнение у всех его берегов. В Песчаной бухте на юге в определенные часы прилива и отлива возникает сильное течение, но в северной бухточке (бухте Арос, как ее называют), у которой стоит дом и на которую теперь глядел мой дядя, волнение возникает только перед самым концом отлива, да и тогда его бывает трудно заметить, настолько оно незначительно. Когда дует ветер, его вообще не видно, но в тихие дни, выпадающие не так уж редко, на зеркальной поверхности бухты появляются странные, непонятные знаки – назовем их морскими рунами. Подобное явление можно наблюдать в сотнях мест по всему побережью, и, наверно, есть немало юношей, которые забавы ради пытались найти в этих рунах какой-нибудь намек на себя или на людей близких им и дорогих. На эти-то знаки и указал мне теперь дядя, причем с какой-то неохотой.

– Видишь вон ту рябь на воде? – спросил он. – Там, возле серой скалы? Видишь? Ведь верно, что она похожа на букву?

– Конечно, – ответил я, – я сам это часто замечал. Похоже на букву Х.

Дядя испустил тяжкий вздох, словно мой ответ горько его разочаровал, и еле слышно произнес:

– Да, да... «Христос-Анна».

– А я, сэр, всегда полагал, что этот знак послан мне и означает «храм».

– Значит, ты его и раньше видел? – продолжал он, не слушая меня. – Дивное дело, страшное дело. Может, он поджидал здесь, как говорится, изначала века. Странное, страшное дело. – Тут он добавил другим тоном: – А еще такой знак ты видишь?

– Вижу, – ответил я, – и очень ясно. У того берега, где дорога спускается к воде, – большое У.

– У, – повторил он вполголоса и, помолчав, спросил: – А как ты это толкуешь?

– Я всегда думал, что это указывает на Мери, сэр: ведь ее второе имя – Урсула, – ответил я, краснея, так как не сомневался, что вот сейчас должен буду объявить ему о своих намерениях. Однако мы думали о разном и оба не следили за ходом мысли собеседника. Дядя вновь не обратил ни малейшего внимания на мои слова и угрюмо понурился. Я решил бы, что он просто ничего не слышал, если бы следующая его фраза не прозвучала, как отголосок моей.

– Мери лучше ничего об этих письменах не говорить, – сказал он и зашагал вперед.

По берегу бухты Арос тянется полоска травы, удобная для ходьбы, и я молча следовал по ней за моим безмолвным родичем. Признаюсь, я был немного расстроен тем, что лишился столь удобного случая сказать дяде про мою любовь. Однако меня гораздо больше занимала происшедшая в нем перемена. Он никогда не был добродушным, общительным человеком в буквальном смысле этого слова, но то, каким он бывал прежде даже в самые черные минуты, все же не подготовило меня к столь странному преобразению. Одно, во всяком случае, было несомненно: его, как говорится, что-то грызло. И я принялся мысленно перебирать слова, начинающиеся с буквы У, – «уныние», «успех», «удача» и все в том же духе, как вдруг словно споткнулся о слово «убийство». Я все еще размышлял над зловещим звучанием и роковым смыслом этого слова, когда мы достигли места, откуда открывался вид на весь остров – позади виднелась бухта Арос и дом, впереди расстился океан, усеянный на севере островками, а на юге – синий и ничем не ограниченный. Тут мой проводник остановился и некоторое время молча смотрел на бесконечный водный простор. Затем он повернулся ко мне и сильно сжал мой локоть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.